

ДЕКАБРЬ В ГОРОДЕ

или в пять на Пушки. Я опаздывала. Там, где ответвляется проход, он стоял. В черной куртке. Глаза у него такие... Как ожог. Или это куртка? Я забыла уже, какой он. Он был такой. Неотразимый, что ли. Хотелось смотреть. Но я стеснялась. Я его увидела издалека. Не глазами. Приближаясь, глядела в сторону. А он ничего, смотрел. Курил.

– Хорошо выглядишь, он сказал.

...набросок на салфетке, на краю стола: профиль. Разговор шел пустой, бутафорский; с паузами. Шум голосов, стук посуды, музыка – отдалялись; мы делались отдельно.

Уже у дверей, выходя, спросил гитару у какого-то парня.

– Мне надо сыграть вот ей, ей – и примостившись у стены, стал наигрывать.

Парень тоже стоял, но не удивлялся; было темно.

Мороз, аккорд, случайный стих. Я чувствовала счастье. Хотелось все стихи одновременно положить ему в голову, чтобы мгновенно знал все, что я. Хотелось окружить собой, чтобы и воздуха другого не осталось.

Он отдал гитару, и мы пошли, сначала улицей. Мороз обступал, но мы были с водкой, ему было нас не схватить. Кафе отошло тут же в прошлое, как чужой берег, и полоса между «теперь» и «там» ширилась: мы отплывали, отплывали.

Кажется, целовались за киоском с сувенирами, как школьники, было смешно.

Потом свернули в переулок.

Помелькивал желтый снег, и ночь чернела. Так дышит счастье – зимними шагами, теплым выдохом случайно хлопнувшего подъезда.

Дома стояли непримиримые, каменные, как крепости с поднятыми мостами. Но мы и не хотели в подъезд – никто нас там не ждал.

Метель кружилась вокруг, и нас кружила, каменные дома исчезали в темноте, разметанной метелью; стен не было уж видно; желтый снег, кружение света.

Мы шли пустыми улицами, нам путь белел, хотелось смеяться и шуметь, мы кружились, город пропадал.

За домом была арка, проем – во двор. И там был дом-руина; стены с пустыми глазницами скалились с синюю черноту, и снег заметал, и желтого не было тут. Ах, какой дом.

Когда-то кирпичный; в нем четыре, кажется, этажа, но ни крыши, ни перекрытий, ничего не осталось, только рваный остов стен и провал, как после взрыва, в середине.

Нам было – туда, в провал. Мы были последние люди, жившие здесь, после нас уж не было никого.

Был ужасный мороз, ночь крепчала. Распластывалась спиной по обломкам стены; уютный мех. Я смотрела вверх, в фиолетовое черное, и крошился мерзлый

Анна Хоси

кирпич. Мягкий мех дубленки, холодноватая кожа куртки. Было жаль шевелиться. Вещи сделались холодные, разомкнувшись. Мы замуровывали себя обратно – в привычное тепло, в одежду, в обычные мысли. Оказывается, там был двор еще, для людей, собак.

За аркой были снова: улица, желтые пятна, окаменелые стены. Говорить не хотелось. Какой-то тайный знак был предъявлен и узнан, там, в кирпичных лохмотьях. Это был пропуск, теперь мы шли другим городом.

Ну, теперь... ко мне? – с трудом, как из сна, выговорил он. Я замычала что-то, просыпаясь.

Потом шли уже к метро, не к небу.